

ТЕЛЕГИН Александр Александрович

**ГЕРОНТОСОФСКИЕ ПОИСКИ
В РУССКОЙ МЫСЛИ
НА РУБЕЖЕ XIX-XX ВЕКОВ**

Специальность 09.00.03 - история философии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Москва - 2003

Работа выполнена на общеуниверситетской кафедре философии
Курского государственного университета

Научный руководитель:

доктор философских наук, профессор
КОГАЙ Евгения Анатольевна.

Официальные оппоненты:

доктор философских наук, профессор
Ям Кинельм Ефимович,

кандидат философских наук, доцент
Кузнецова Светлана Вениаминовна

Ведущая организация - Курский государственный медицинский
университет

Защита состоится « 17 » ноября 2003 г. в 13.00 часов на
заседании диссертационного совета К 212.154.02 при Московском
педагогическом государственном университете по адресу: 119571, г. Москва,
пр-т. Вернадского, д. 88, ауд. 818.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке МПГУ по адресу: 119882,
г. Москва, ул. М. Пироговская, д. 1.

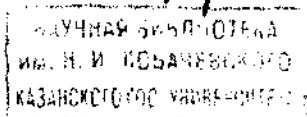
Автореферат разослан « 15 » октября 2003 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Суворова О.С.

02? 606

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертационного исследования.

Сегодня, на рубеже третьего тысячелетия, со всей очевидностью можно утверждать, что процесс старения представляет собой феномен, который выдвинулся в ряд наиболее дискутируемых вопросов в рамках антропологически ориентированных отраслей научного знания. Современному обществу становится все менее доступным опыт пожилого человека в его чувственном, интеллектуальном и социокультурном проявлениях. Замедление роста численности населения привело к существенным изменениям возрастного профиля населения, старению. Осмысление многообразных ракурсов складывающейся в наши дни геронтологической ситуации, обоснование качественно новых геронтософских поисков идеалов старости и соответствующих стратегий происходит на фоне стремительной трансформации сознания, культурных, социальных и духовных структур общества. Складываются новые идеалы жизнеустройства, изменяется образ жизни человека, изменяется и образ старости. К сожалению, большинство версий практической реализации этих идеалов жизнеустройства в постсоветской России исходит из идей и моделей старости, заимствованных в западной интеллектуальной традиции. В этой традиции старость определяется как заключительная фаза жизни и символ опасности, фиксирует состояние вырождения человеческого организма. Такой акцент в рассмотрении старости ориентирует человека и социальные институты на поддержание функционального состояния организма, задает стратегию борьбы с перспективой угасания.

Несколько десятилетий попыток реализации такой геронтофобной стратегии старости в советской и постсоветской России показывают, что ее продуктивность весьма ограничена. Она не учитывает в полной мере традиций отечественной духовной культуры, основанных в значительной мере на православной антропологии. Не отвергая результатов геронтософских разработок европейской традиции, опираясь на них, все же нельзя недооценивать того факта, что феномен старости имеет свои образы и в иных культурах прошлого. Обращение к отечественным геронтософским размышлениям представляет в связи с этим ценность не только в аспекте их сравнительного анализа, но и в горизонте концептуального осмысления феномена старости в целом.

Наиболее продуктивные геронтософские поиски русской философской мысли велись, по нашему мнению, на рубеже XIX-XX веков. В это время русские философы продемонстрировали предельное многообразие подходов к проблеме человека, в том числе и к старости как темпоральному измерению его бытия. Русские мыслители, не зависимо от своей принадлежности к тому или иному философскому течению, видели в человеке сосредоточие и ядро мысли, постигающей тайны бытия. Такая радикальная постановка экзистенциального вопроса, отразившая различные полюса философско-антропологической рефлексии - от религиозно-квиеентистского до одушевленного идеей социального активизма и переделки человека, - позволяет соединить, казалось бы, несоединимые, на первый взгляд, естественнонаучное и гу-

манитарное (социо-культурное) видения проблемы старения, обозначить логические связи между ее различными сторонами проявления.

Философские представления о биологической и социальной сущности человека зачастую ориентировали исследователей на изучение феномена старости лишь в одностороннем (биологическом) или двустороннем (социально-биологическом) измерении. Понимание же человека как некой соборности, иерархии бытия является отличительной особенностью геронтософских поисков русской философской мысли, позволяет взглянуть на феномен старости с учетом не только физиологической, но и телесно-духовной целостности, не только его места в социуме, но и мире в целом. На первый взгляд, говорить о геронтософских поисках русской философии можно лишь условно, поскольку работ, в которых специально, явно, полно и всесторонне исследуется феномен старости, в отечественной философии рубежа XIX-XX веков почти не встречается. Исключение могут составить лишь работы, проводимые в рамках естественно-научной парадигмы (И.И. Мечникова, А. А. Богомольца, А. В. Нагорного, И. П. Павлова, В.М. Бехтерева).

Но было бы ошибочным полагать, что геронтософские поиски русских мыслителей осуществлялись только в измерениях натуралистического вектора (где старость сводилась к временному, биологическому, медицинскому модусу человеческой жизни). Русская философия рубежа XIX-XX веков существенно расширила проблемное поле постижения процесса старения и углубила его интерпретации.

Исходя из этого, в рассматриваемой работе геронтософские поиски русской философии предстают как религиозно-философские идеи, стратегии, концептуальные ходы, позволяющие рефлексировать феномен старости как целое. В этих поисках старость фиксируется не только как физиологический или биологический процесс, но и как этап жизненного пути отдельной личности, как социально-культурное, историческое состояние человека и общества ("старик", "старое", "старое-новое", "старчество", "старая церковь"). Другой стороной геронтософских поисков русской философской мысли выступает поиск идеала гармоничной старости, способствующего выработке новой созерцательной и самодостаточной жизненной позиции в позднем периоде жизни. Идеалы рассматриваются как духовные образования, выражающие совершенство, норму, конечную цель деятельности. В идеалах выражено то, что должно быть и как необходимо поступать для достижения должного. С точки зрения геронтософского поиска следует отметить такую характеристику идеала, как многомерность, полифоничность. Кроме этого, для нашего исследования важно отметить еще одну особенность: несмотря на свою предельную общечеловечность и кажущуюся отдаленность от дня, которым сегодня человек живет, возможно, путь к старости - это путь к идеалу.

Другой важной особенностью понятия "старости" в отечественной философии, является то, что оно становится на рубеже XIX-XX веков многомерным, полифоничным, не сводимым только к биологической составляющей. В геронтософских поисках русской философской мысли старость есть нечто глубинное, внутреннее, наполненное таким содержанием, которое имеет вселенское значение. Старость рассматривается как символически представленный, ценностно осмысленный, тяготеющий к метафизическому акт человеческого бытия.

Заметим, что осмысление старости в горизонте оппозиции "старое-новое" достигает своей кульминации именно на рубеже XIX-XX веков на фоне поисков нового религиозного сознания. Далее на несколько десятилетий в советской литературе эти поиски прекращаются, начинает доминировать акцент на новом, молодом (если не считать пародийного обыгрывания геронтократических стратегий в период застоя).

И хотя геронтософская идея в это время (на рубеже XIX-XX веков) пульсировала в различных своих модусах (естественно-научном, гуманитарном), путешествуя по страницам художественных произведений, живописным полотнам, философским дискурсам, другим пространствам русской культуры, пафос этих поисков в большей мере отражала философия. Все выше сказанное делает геронтософские поиски русской философии рубежа XIX-XX веков актуальным предметом исследования.

Степень разработанности проблемы. В современных историко-философских исследованиях специальных работ, посвященных осмыслению феномена старости в русской философии рубежа XIX-XX веков, не обнаруживается. Вместе с тем, в философской литературе уделено внимание историко-философским предпосылкам геронтософских поисков (Толстых А.В., Коротчик Н.А., Елютина М.Э.)

Основные векторы этих поисков, их взаимосвязь затрагиваются в обобщающих работах по истории русской философии Н.А. Бердяева, Г.Г. Шпета, Н.О. Лосского, В.В.Зеньковского, Н. Полторацкого; по богословию и православной антропологии - Г.Флоровского, М. Мейендорфа, С.С. Хоружего. Помимо работ указанных авторов, в целом ряде монографий, статей, материалов научных конференций представлены современные интеграционные версии старения, старости, разработанные на стыке социологии, психологии, медицины, биологии. Эти версии конкретизируют и развивают различные фрагменты геронтософских поисков русской философии рубежа XIX-XX веков.

Значительная роль в разработке общебиологических, физиологических механизмов старения принадлежит отечественным ученым: А.В. Нагорному, В.Н. Никитину, В.Ф. Фрольскому, И.В. Давыдовскому, Г.Д. Бердышеву, В.М. Дильману, Д.Ф. Чеботареву, Н.В., Ю.К. Дупленко.

Психологический вектор исследований старости представлен в работах Б.Г. Ананьева, Л.И. Анцыферовой, Д. Бромлей, Т.В. Карсаевской, И. Кемпер, Я. Стюарт-Гамильтона, О.В. Красновой, М. Ермолаевой. Социальная проблематика, касающаяся проблемы старости, разрабатывается А.И. Рубакиным, М.Д. Александрой, З.Г. Френкелем, А.В. Дмитриев, Н.Н. Сачук, В.Д.Альперовичем, М.Э. Елютиной, И.А. Подольской. Среди зарубежных авторов выделим С. де. Бовуар, К. Виктор.

Осмыслению комплекса проблем, так или иначе затрагивающих специфику, характер и смысл геронтософских воззрений русских мыслителей, во многом способствует ретроспективный анализ работ Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Ф. Бэкона, Г.В. Гегеля, И. Канта, А. Шопенгауэра.

Объект диссертационного исследования - старость как один из этапов жизненного пути отдельной личности и как социально-культурное, историческое состояние человека и общества.

Предметом исследования являются геронтософские поиски русской философии на рубеже XIX-XX веков.

Целью диссертационного исследования является реконструкция и анализ геронтософских поисков в русской философской мысли рубежа XIX-XX вв., исходным основанием которых выступает теоретическое осмысление возможностей и пределов старости, последовательное выявление и обоснование идеальных образов этого возраста.

В соответствии с целью диссертации поставлены следующие задачи:

- осуществить ретроспективный анализ историко-философских предпосылок геронтософских поисков русской мысли;
- выявить векторы геронтософских поисков в естественно-научной, философской и философско-религиозной сферах, задающих определенный тип отношения к феномену старости в России,
- обозначить особенности и своеобразие российских геронтософских поисков;
- реконструировать геронтософские размышления И.И. Мечникова и В.В. Розанова, выявить их основания и структурные компоненты;
- выявить связь русской философской мысли со святоотеческой духовной традицией (старчеством) в контексте проблемы старости.

Теоретико-методологические основы исследования

Конструирование геронтософского локала в диссертационном исследовании осуществляется на основе историко-философской реконструкции, которая включает в себя методы первичного (при изучении источников) и вторичного (при привлечении различного рода критической литературы) анализа данных, методы имманентного интерпретирующего анализа и компаративистского анализа, а также метода синтеза.

Источниковедческую базу исследования составляют работы И.И. Мечникова, А.В. Нагорного, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, В.В. Розанова, Л.Г. Шестова, К.Н. Леонтьева, Н.Я. Данилевского, Н.О. Лосского. Для более глубокого понимания особенностей осмысления феномена старости представителями русской философии рубежа XIX-XX веков привлекаются работы З. Гиппиус, Л.Н. Толстого, Н.А. Бердяева, К.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, С.Л. Франка, П.А. Флоренского Н.О. Лосского. В исследовании представлена также святоотеческая литература, в частности, работы Г.П. Флоровского, С. Четверикова, В.И. Экземплярского.

Философско-методологические подходы, используемые в исследовании, в значительной степени основываются на работах Т.В. Карсаевской и А.Т. Шаталова. Эти авторы, разделяя современную геронтологию на теоретическую и прикладную, считают продуктивной *интеграцию* множества подходов к пониманию старости. Проблемное поле философия-старость прорисовывается в работах Пигрова К.С., который выдвигает идею конституирования геронтософии как философской дисциплины. Социально-историческая определенность старости выявляется в исследованиях Л.П. Липовой. Работы Н.А. Коротчик и М.Э. Елютиной способствуют проявлению культурно-исторического и социального аспектов в осмыслении феномена старости. Современный философский анализ феномена старости представлен в исследовании И.А. Подольской.

В диссертационном исследовании геронтософский поиск рассматривается на двух уровнях: во-первых, на уровне исходных философских и культурологических

оснований, а, во-вторых, на уровне личностного духовно-религиозного опыта осмысления старости русскими философами начала XX столетия.

Ретроспективный взгляд на рассматриваемую нами проблему дает нам основание выделить *два основных подхода* к интерпретации старости. Первый (**скалярный**) подход рассматривает завершающий этап индивидуального развития человека - старость - как отчетливо выраженное состояние организма, где на первый план выходят деструктивные процессы. Этот подход фиксирует эволюцию некоторых, поддающихся численному выражению, факторов: так, например, по мере старения происходит изменение антропометрических показателей, разрушение и гибель клеток, уменьшается жизненная емкость легких, снижается обмен в потреблении кислорода, реакция и рефлексы замедляются. Старость здесь артикулируется как "болезнь", "истощение жизненной силы", "символ опасности", "заключительная фаза человеческой жизни". Этот подход с определенными изменениями воспроизводится в разных геронтологических представлениях на протяжении всей истории человечества. Такая версия рассмотрения старости делает акцент на блокировании негативных, теневых, болезненных проявлений, ориентируя человека на *поддержание упорядоченности* организменных процессов, т.е. активную борьбу с перспективой умирания, использующую всевозможные технологии, и прежде всего медицинские.

Второй (**векторный**) подход основывается на рассмотрении феномена старости как естественного процесса, сложной качественной перестройки биопсихических характеристик, проявляющийся в качественном изменении переживаемого опыта, направленного на *достижение глубинной внутренней упорядоченности*. В свете такого понимания феномен старости выступает в качестве экзистенциально значимого явления жизни. Это один из видов бытия, наряду с юностью и зрелостью, который переживается пожилым человеком так же полно, как и человеком среднего возраста, только у него другой ритм, другая тональность. Отмечая установку на достижение глубиной внутренней упорядоченности, мы обнаруживаем в данных интерпретациях старости преобладание обобщающего понимания ментальных функций, описываемых такими понятиями, как *жизненная мудрость, опыт*. Старость предстает как *разумность, рассудительность, справедливость, пора расцвета духа*. Речь идет об усложнении не столько биологической компоненты, сколько нравственно-духовной жизни, тонкости переживаний, интенсивности психических процессов.

При рассмотрении старости как целостного феномена имеет смысл обратиться к принципу дополнительности. В современном своем наполнении старость не является биологически объяснимым феноменом, а представляется в значительной степени артефактом социально-культурного характера. Соответственно представляется необходимым изменение контекста рассмотрения старости: биологически детерминированный вектор рассмотрения данного феномена следует органично дополнить вектором, акцентирующим внимание на возрастании духовно-нравственного потенциала человека.

Основные результаты диссертационного исследования и их научная новизна.

Новизна представленного исследования состоит в постановке и выборе направления исследования. Осуществлена попытка комплексного анализа геронтософ-

ского творчества русских мыслителей рубежа XIX-XX веков. Это создает условия для целостной реконструкции представлений о феномене старости и ее идеала в русской культурной традиции.

В ходе данного исследования получены следующие *результаты*:

- осуществлен ретроспективный анализ историко-философских предпосылок российских геронтософских поисков, выделены "скалярный" и "векторный" подходы к осмыслению старости, определившие философско-онтологические, натуралистические, аксиологические и экзистенциальные акценты геронтософских поисков;

- выявлены своеобразные черты российских размышлений о старости: высокий уровень напряженности оппозиции "старое-новое", доминанта онтологической и аксиологической компонент, переплетение "личного", "мирового" и "религиозного" возрастов, историософичность, влияние практической антропологии православия и значимость святоотеческой духовной традиции (старчества);

- установлены особенности философского рассмотрения старости И.И. Мечниковым, характеризующим старость как болезнь, выдвигающим в качестве геронтософского идеала "естественную физиологическую старость"; показано, что И.И. Мечников выходит за пределы намеченного им проекта исследования старости, рассматривая проблему в целостном контексте преобразования человеческой природы, в соотношении с онтологическими границами человеческого бытия;

- определены основные позиции, составляющие сущность подхода В.В. Розанова к проблеме старости; показано, что его подход реализуется в контексте проблем религии, пола, семьи, брака, культуры; старость получает у В.В. Розанова статус "метафизического возраста";

- выявлена связь русской философской мысли со святоотеческой духовной традицией в контексте геронтософского поиска; обнаружено, что в данной традиции старость не связана с ее биологическим проявлением, а представляет собой высшую степень духовного совершенства; показано, что феномен старчества предопределил появление особого направления (образа святой старости) в геронтософских поисках русских мысли исследуемого периода.

Практическая и теоретическая значимость исследования.

Теоретическая значимость диссертационного исследования определяется тем, что в ней выявлены новые направления исследования феномена старости. Полученные при этом результаты открывают эвристические и функциональные возможности для осмысления актуальной философско-антропологической проблемы, могут быть использованы в разработке целостной концепции человека.

Могут применяться в учебных курсах по истории русской философии, социальной философии, социологии, культурологии, концепциям современного естествознания, в разработке философско-антропологических спецкурсов.

Апробация работы. Диссертация апробирована в выступлениях автора на многих научных и научно-практических конференциях, в частности: на Международной научно-практической конференции «Национальная идея как фактор обеспечения социально-политической и экономической стабильности российского общества» (Орел, 2001), Всероссийской научно-практической конференции «Панорама философской мысли России XX века». (Рязань, 2001), Международной научно-практической конференции «IV-е Илиадиевские чтения». (Курск, 2002), Всероссий-

ской научной конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование». (Воронеж-Курск, 2003), III Российском философском конгрессе (Ростове-на-Дону 2002). Результаты исследования прошли апробацию на I - V культурно-антропологических школах молодых ученых Курского государственного педагогического университета (Курск, 2001-2003).

Положения диссертации были представлены автором исследования на научно-методологических семинарах слушателей ИППК МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 2002).

Структура диссертации. Структура и объем работы строятся в соответствии с поставленными целями и задачами. Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографии. Диссертация состоит из введения, двух глав: в главах по три параграфа. В заключении диссертации представлены основные итоги работы, указана ее теоретическое и практическое значение.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается актуальность темы исследования, анализируется степень разработанности проблемы, формулируются цели и задачи исследования, его теоретико-методологические основы, определяется ее теоретическая и практическая значимость, научная новизна диссертационного исследования.

Первая глава диссертации «Историко-философские предпосылки геронтософских поисков русской культуры» посвящена проблеме формирования представлений о старости в историко-философском контексте. Осуществляется ретроспективный анализ представлений о старости от античности до рубежа XIX-XX веков, прослеживается специфика оценки возрастных и личностных особенностей человека в старости.

В параграфе первом «Рождение и развитие геронтософских идей в античной культуре» рассматриваются предпосылки и собственно процесс формирования представлений о феномене старости, обосновывается обращение к геронтософским размышлениям Античности.

Анализируя процесс развития представлений о старости, можно выделить два типа отношения к старости: с одной стороны, скалярный тип, фиксирующий деструктивные процессы, и векторный тип - с другой, основывающийся на рассмотрении феномена старости в качестве экзистенциально значимого факта жизни, связанного с качественным изменением переживаемого опыта. В этих направлениях раскрываются качественно различные образы старости: старость как мудрость и старость как болезнь, немощь.

Взгляды на старость, которые представлены в философских системах античности, в целом отражают модель "эталонной" старости. Это те черты старости, которые составляют ее достоинство: активность ума, рассудительность, соразмерность. Старость рассматривается не просто как элемент "естественного порядка вещей", но как этап приобщения человека к подлинному бытию.

У Платона сущность старости не выводима из тела и не зависит от его состояния, она определяется душой, которая подвержена не старению, а совершенствованию. Для Сенеки, Цицерона и Софокла старость сконцентрирована на духовной деятельности. Старость предстает как разумность, рассудительность, справедли-

вость, что делает возможным обоснование геронтократической формы управления, которое, в частности, представлено идеальным государством у Платона.

Противоположная точка зрения представлена в работах Аристотеля и Гиппократа. По мнению Аристотеля, старение происходит "не от того, что душа претерпела какое-то изменение, а от того, что претерпело изменение тело, в котором оно находится, подобно тому, как это бывает при опьянении и болезнях"¹. В основе идей Аристотеля, Гиппократа было положено представление о потере в течение жизни общей жизнеспособности организма ("жизненной силе"), что приводит, по их мнению, к старению.

Анализ "Государства" Платона и трактата Цицерона "О старости" приводит к выводу, что старость в их понимании - это не только закономерная, но и необходимая возрастная мера, данная человеку для организации и упорядочения земных дел и, главным образом, для устроения общественного порядка, которое также выражает и меру космического порядка и космической вечности. Для Античности характерно исследование старости как одного из образов бытия. Старики являются необходимым элементом в системе общественных отношений. Они выступают хранителями и "трансляторами" традиций, необходимых знаний и норм.

Идеалом Античности является подчинение целому. Античное понимание роли стариков как специфического субъекта в трансляции культуры требует наличие опыта и мудрости как характеристик, результирующих жизнь человека. В поздний период жизни, согласно Платону, подобает быть мудрее, старикам приписываются дары пророчества, дальновидности, т.е. те свойства, которые способствуют обретению верного ориентира в жизни и правильным поступкам. Опыт и мудрость являются функцией времени. Они были и будут оставаться привилегией зрелых и пожилых людей.

Во втором параграфе "Старость как адресат философии средневековья и Нового времени" описывается разработка проблемы старости в период Средневековья и эпохи Нового времени.

Особенность представлений о старости средневековой культуры заключается в построении оппозиции "новое - старое". Она пронизывает строение Библии, представления о человеке и мире, участвует в создании ценностных смыслов. Через оппозицию "новое-старое" задается новый тип времени. Выстраивается образ нового человека в соответствии с евангельским, в сознании которого существуют новый путь и новая жизнь, которые творит Бог. Приближение к Богу, познание высоких истин превращает старого человека в нового.

Христианская средневековая эпоха обозначила не существовавшее ранее противоречие между земным и небесным, между миром и Богом, где перекрестком противоречия стал человек, проходящий свой земной предел от рождения до смерти. Старость и смерть - это моменты личностной эсхатологии в общем процессе эсхатологии исторической.

Психологически освоение старения средневековым сознанием сопровождается противоречивым сочетанием надежды на спасение и страха перед гибелью. Выявляется парадокс, суть которого состоит в том, что общество, одержимое мыслью о ста-

¹ Аристотель. Метафизика // Аристотель Собр. соч. в 4-х т. Т.1. - М: 1974.- С.386.

рении, дряхлости мира и почитавшее библейских патриархов и седобородых пророков, было обществом, которым правили преимущественно нестарые люди.

Геронтософские представления Средневековья характеризуются укорененностью в общественном сознании идеи старения и близящейся, завершающейся катастрофы как на уровне макрокосма, так и на уровне микрокосма. Работы средневековых авторов характеризуются символичностью истолкования возрастов жизни, способствующей правильному прочтению Священного Писания. Стратегии осмысления феномена старости и практического противодействия процессу старения в эпоху Средневековья зачастую устремляются в сторону мистики и алхимии.

Культура эпохи Нового времени ознаменовала поиски новых путей, нового способа и нового содержания геронтософских представлений. Технические достижения Нового времени в значительной степени обеспечили улучшение условий жизни людей. Соответственно увеличилась ее продолжительность, 60-летние стали активными участниками жизни своих социальных групп. Утверждается новая мораль и система ценностей, учитывающая принцип полезности. Утилитаристский подход наделяет стариков особыми заслугами. Материальное процветание гарантирует им мудрость и достоинство.

С работ представителей немецкой классической философии начинается четкое разделение естественных и гуманитарных наук. Человек, согласно И. Канту, живет в двух мирах, и существует четкая граница между миром необходимости, подвластным естественным наукам, и миром свободы, вопросы относительно которого не могут быть решены научными способами. Целесообразность человеческого существования, по Канту, полностью определяется моральным законом, возносящим индивида над миром чувственности, наслаждения и приводящим его к выполнению назначения, состоящего в следовании долгу.

И. Кант, признавая за старостью мудрость (человек её достигает, по Канту, примерно к 60 годам), простоту, "способность без излишней траты средств, т.е. не действуя окольными путями достигать той же цели", большой жизненный опыт, считает её заслугой.

Ценным в представлениях о старости у Гегеля является наделение духовных способностей возможностью выхода из рутины индивидуальной духовной жизни, указание на исчезновение противоположности между субъектом и объектом как источника потери жизненного тонуса индивида. Однако сам способ построения представлений Гегеля в целом не позволил ему вскрыть истинную причину угасания жизненности деятельности субъекта, коренящуюся в противоречиях гражданского общества, а не только в противоречиях самого духа. Реальное и идеальное единство субъективности и объективности - это попытка снятия противоречий старческого возраста, вытекающих из реальных противоречий жизни.

Особый интерес представляют геронтософские размышления А. Шопенгауэра: во-первых, как вариант европейских геронтософских поисков, во-вторых, как одно из наиболее возможное теоретических оснований, созвучных геронтософским размышлениям русского ученого И.И. Мечникова. Особенностью размышлений, как в прочем, и всей философии А. Шопенгауэра, является пессимистическая окраска. Эта тональность фокусирует особое внимание философа на противопоставлении молодости и старости. А. Шопенгауэр пытается определить наиболее ценные

моменты для возрастов жизни и, в частности, старости. Так, на фоне перечисления негативных свойств старости (убывание жизненных сил, ослабление жизнерадостности, серьезность, вытесняющая юношеский задор и уверенность, ускорение течения жизни, падение восприимчивости к внешнему миру) автор фокусирует внимание именно на позитивных моментах. В трактовке А. Шопенгауэра старость - идеальная форма выражения гимна одиночеству, но одиночеству не заброшенного и ненужного старика, а утонченного аристократа, постигшего к старости суть бытия и давшему ему истинную цену. Понимание особенностей старости дало Шопенгауэру возможность отразить великое и малое, высокое и низкое, все то, что сообщает старику особый душевный покой, в котором он взирает на мир.

На рубеже XIX-XX веков можно констатировать расширение границ геронтософских размышлений, проблемное поле которых все более ориентировано натуралистическим вектором и возделывается биологией, медициной, обособившихся от философии. В европейской мысли обнаруживается построение четкого водораздела между двумя позициями в осмыслении феномена старости, по одну сторону которого располагаются защитники тезиса об универсальном характере, незыблемости медико-биологических истин (натуралистический вектор) и, следовательно, о подчиненном характере всех остальных областей знания, в том числе и философии, в рассмотрении специфики данного возрастного периода, а по другую - сторонники философско-онтологического вектора старости, обосновывающие несводимость данного феномена к линейным характеристикам. Последние представляют старость как важнейший этап человеческой жизни при условии постоянного духовного роста личности, как социо-культурное и историческое состояние человека и общества.

В третьем параграфе первой главы **«Специфические черты и основные векторы российских геронтософских поисков»** подчеркивается, что проблема старости *в русской мысли* ставится в более глубоком, экзистенциальном контексте, не сводится к временному, биологическому модусу только человеческой жизни. Понятие "старость", "старое", "старик" применяются к рассмотрению традиций, уклада жизни (религиозного, бытового, общинного).

Одной из первых особенностей российских геронтософских поисков рубежа XIX-XX веков является связь с **"религиозной стихией"** (В.В. Зеньковский). Религиозная окрашенность, в свою очередь, находит выражение в *более высоком уровне напряженности оппозиции "старое-новое"*. Многие работы русских философов отражали эту оппозицию в названиях работ ("О старом и новом" А.С. Хомякова, "Новая Россия" Г.П. Федотов), названиях философских течений ("новое религиозное сознание"). В российских геронтософских поисках исследуемого периода сохранение связи с религиозной стихией, обусловило выделение *онтологической и аксиологической составляющих как доминирующих*. Эти же онтологические и аксиологические доминанты прорисовываются в геронтософских размышлениях Л. Шестова, рассматривающего старость как последний вопрос бытия, волновавший человечество в самом начале сотворения мира и до нашего времени.

В соответствии с философско-онтологическим вектором российских геронтософских поисков, *старость* просматривается в оппозиции "старое-новое", причем не только *как момент в жизни человека, но и церкви*. П.Е. Чаадаев использует оп-

позицию старое-новое для уточнения отношения России к Западу. Связь с религиозной стихией обнаруживается в "метафизических нитях старости", выделенных В.В. Розановым. Он использует оппозицию "старое-новое", в отличие от П.Е.Чаадаева, для того, чтобы подчеркнуть преемственность молодого российского религиозного сознания со старыми византийскими традициями.

Связь с религиозной стихией российских геронтософских поисков, их онтологическая и аксиологическая доминанты очерчивают контуры и других важных особенностей этих поисков, в том числе *историсофичности*, выразившейся, как известно, в полемике славянофилов и западников.

Если первые обращаются к старине, чтоб объяснить неблагоприятные для развития условия современной русской жизни, и надеются найти в ней твердую почву, на которой можно построить идеалы русского народного духа, то вторые, наоборот, считают, что необходимо удалить последние остатки старого, и пересадить все то хорошее и полезное, до чего додумалась и доработалась Европа. "Историческая чуткость" геронтософских поисков отразилась, помимо работ славянофилов, в творчестве Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева, в их анализе национально-культурного своеобразия России.

Логика развития естественно-научного знания в исследуемый период способствовала развитию натуралистического вектора (обозначенного в европейской традиции) и в отечественных геронтософских поисках. Наиболее яркое отражение натуралистического вектора российских геронтософских поисков предложено И.И. Мечниковым, представителем "научного мировоззрения" (В.В. Зеньковский).

Одна из важных особенностей российских геронтософских поисков заключается в том, что они велись и в сфере *"практической антропологии"* (С.С. Хоружий), древнейшей, богатейшей духовной или мистико-аскетической практике восточно-христианской аскезы. Святоотеческая аскетическая традиция на протяжении всего XIX и до начала XX века сохраняла образы святости и высокого духовного подвижничества. Серафим Саровский, Иоанн Кронштадский, Феофан Затворник, Игнатий Брянчанинов, старцы Оптиной Пустыни Леонид, Макарий и Амвросий - яркие примеры результатов геронтософских поисков практической антропологии.

Контуры российских геронтософских поисков исследуемого периода очерчиваются несколькими моделями старости, укорененными в религиозной стихии и нравственном миропонимании русского народа: "патриарха", "старца-странника", "монаха-старца". Первая из них фиксирует доминирующую фигуру социального пространства и внутрисемейных отношений, выполняющую разнообразные функции в религиозной, экономической, воспитательной областях. Она ограничивает поиск горизонтальным измерением человеческого бытия, соответствуя скалярному подходу, ориентированному только на достижение упорядоченности. Содержание этой модели характерно для осмысления феномена старости в обыденном сознании и некоторых аспектах историософской полемики о судьбе России. Модель старца-странника включала хилиастические настроения, безразличие к мирским соблазнам, обладание тайной властью, физическую или социальную бедность. Развивая мотив компенсации общественной неправды внутри человеческой истории, эта модель повлияла на формирование симпатий коллективистской ориентации. Модель "монаха-старца" фиксирует отношение к главным авторитетам в религиозно-

нравственной и обрядовой традиции, дистанцированной от сиюминутных тревог, сконцентрированной на главных, непреходящих ценностях. Эта модель позволяет поднять старость человека на вертикальные, синергичные векторы антропологических поисков нравственного совершенствования и обретения бессмертия *{достижение глубинной внутренней упорядоченности}*.

Перечисленные модели старости, свойственные русской культуре, в сочетании с историко-философскими предпосылками порубежных вариантов осмысления феномена старости, обусловили широкий диапазон российских геронтософских поисков и его специфические черты.

Во второй главе «Старость как горизонт человеческого бытия в отечественной философской традиции XIX-XX веков» рассматриваются различные варианты постановки проблемы старости и ее проекций в отечественной культуре рубежа XIX-XX веков. Выявляются и анализируются три внешне контрастирующих варианта проработки геронтологической идеи: "оптимистическая старость" (естественнонаучный модус); "старость как метафизический возраст" (философско-онтологический модус); "старость как подвиг" (идеал святой старости в ценностном горизонте практической антропологии православия, связанный с осмыслением старчества в порубежной отечественной культуре).

Первый параграф второй главы «Оптимистическая старость в геронтософских этюдах И.И. Мечникова» - посвящен анализу общего подхода к постановке проблемы совершенствования дисгармоний человеческой природы и, в частности, подхода к проблеме старости, разработанного в творчестве И.И. Мечникова.

И.И. Мечников, будучи признанным специалистом в области медицины, сравнительной эмбриологии, проявляет интерес к философско-антропологическим темам и ставит стратегическую цель всестороннего изучения природы старения. Смысл жизни человека состоит в наиболее гармоничном развитии всех его способностей в одно полное и единое целое. Стремление человека жить Мечников приписывал врожденному инстинкту жизни. Наряду с этим инстинктом существует инстинкт смерти, который позволяет без страха и сожаления желать умереть. Исходя из представления о дисгармоничности человеческой природы, И.И. Мечников приходит к выводу о патологии процесса старения. Старость - это болезнь, следовательно, необходимо искать средство излечения от старости и возможности ее предотвращения.

Геронтософский идеал И.И. Мечникова - естественная физиологическая старость (безболезненная, примиряющаяся со смертью) - короткая, без явлений одряхления, с полным сохранением умственных способностей, но в конечном итоге с утратой жизненного инстинкта и заменой его инстинктом смерти. Идеал старости, разработанный И.И. Мечниковым, следует рассматривать в контексте его теории ортобиоза. Ортобиоз представляется И.И. Мечникову системой мероприятий личного и социального порядка, цель которых - видоизменить жизнь человека, создать условия для нормального физиологического цикла человеческой жизни, с безболезненной, активной, деятельной старостью и в конечном итоге - с утратой жизненного инстинкта и примирением с мыслью о смерти.

Достижение ортобиоза, согласно И. И. Мечникову, предполагает привлечение ряда методов. Среди них выделяются такие как личная гигиена, рациональный образ жизни, применение факторов, стимулирующих жизненные функции. При этом

И. И. Мечников подчеркивает, что предполагаемые им методы только наметки, что необходима дальнейшая, детальная, научная разработка проблемы ортобиоза. Геронтософские этюды И.И. Мечникова, несомненно, отразили нарастание естественно-научного интереса к проблеме старости на рубеже XIX-XX веков, продемонстрировали ограниченность ресурсов данной стратегии геронтософского поиска, подведившей старение осознанно или нет под категорию "болезнь", стремившейся найти и минимизировать пусковые механизмы процесса старения, заложенные в организме.

Вместе с тем, далеко не всегда сам И.И. Мечников ограничивается рамками обрисованного им проекта исследования старости. Это касается, прежде всего, деклариовавшегося им "отречения от метафизики старости". Во-первых, сама эта проблема рассматривается мыслителем в целостном контексте преобразования человеческой природы, как одно из важнейших проявлений ее дисгармонии (заметим, что понятие "дисгармония" выводит за пределы естественно научного дискурса). Во-вторых, И.И. Мечников часто для обоснования своих идей использует историко-философские предпосылки геронтософского поиска рубежа XIX-XX веков. Хотя он весьма скептически и оценивает их результаты, но все же не может обойтись без них, а в некоторых случаях, кладет их в основу своей концепции. В-третьих, старость рассматривается им в горизонте смерти в соотношении с онтологическими границам бытия человека, причем даже тогда, когда идет четкая фиксация механизмов, этапов и форм старения.

И, наконец, И.И. Мечников не смог обойтись без разработки этюда геронтософского идеала, что, строго говоря, также не совсем вписывается в методологическую программу "положительного мировоззрения" создателя теории ортобиоза. Более того, им был, выдвинут не просто идеал старости, а *геронтософский идеал*, который, на наш взгляд, можно охарактеризовать как один из самых оптимистических, если не считать новейших американских моделей "счастливой старости" - общества без стариков.

Во втором параграфе второй главы «Старость как метафизический возраст в творчестве В.В. Розанова» выявляются основные положения, составляющие сущность розановского подхода к проблеме старости.

Проблема старости занимает особое место среди важнейших тем розановской антропологии - религии, пола, семьи, брака, культуры. В работах "Уединенное", "Опавшие листья" обнаруживается, что самой своей мысли В.В. Розанов придает геронтософский оттенок: его интересуют "постаревшие", "умершие", "уродненные мысли", "последние" - "опавшие листья". Сами размышления возникают не из теоретических умозрений, не из литературы, но из его собственной судьбы, из его собственного жизненного положения и переживаний.

Определяя старость как **"метафизический возраст"**, В. Розанов стремится представить ее во всей загадочности, непостижимости и иррациональности. Старость выступает в антропологии В.В. Розанова связующим звеном, выстраивающим органику жизни, связь поколений, возрастных стадий человеческой жизни.

В философской рефлексии В.В. Розанова старость - это свойство не только индивидов, с не меньшим пафосом он говорит о старых церквях, о старчестве как подвиге и этическом идеале православия, старых традициях. В осмыслении В.В. Розановым ценностных оснований старости особую роль играет выявление ее важ-

нейших метафизических исторических и психологических тайн. *Одной из первых метафизических нитей старости и религиозного мирозерцания, по мнению В.В. Розанова, является нить историческая* ("клятва России умирающей Византии"). Для России "умерщвляться" стало не только понятием, идеалом, не внушавшим никаких сомнений и страха, "близиться к смерти" и "близиться к святости" слилось для нее в единый путь, стало нравственной и метафизической аксиомой не только в монастырях многомиллионной народной массе, но и для интеллигенции. Эту мысль сам В.В. Розанов называет грустной и ужасной, но он признает, что именно она сообщила главный колорит всей русской Европе, чего-то страдающего и страшно дорогого, чему никто не сумеет помочь.

Вторая из метафизических нитей, связывающих старость и народное религиозное мирозерцание, проявляется, по В.В. Розанову, в том, что само "существо веры русской" не молодо, не юно. Состояние молодости, по мнению В.В. Розанова, вообще не для религии, и в интересах ее самой он в статье "По тихим обителям" предлагает запретить ранее 40 лет "открывать тайны религии".

В своих размышлениях В.В. Розанов вырисовывает яркий *"геронтософский портрет"*, смысловым центром которого является *"достижение высот", "касания мировым"*. Именно в старости, по мнению В.В. Розанова, *"...начинает томить неправильная жизнь"*: и не в смысле, что "мало насладился" (это совсем не приходит на ум) - но что не сделал *должного*. Именно в старости человек получает полное представление о пройденном жизненном пути, обретается духовная ясность, отсекаются иллюзорные образования, формируется объемная точка зрения, характерен рост рефлексии, позволяющей увидеть жизнь во всей своей целостности. Чтобы в старости исполнить свое назначение и справиться со своей задачей, нужно быть согласным со старостью и со всем, что она приносит с собой.

В своей трактовке старости В.В. Розанов понимает ее как разрыв между человеческим и божественным, но разрыв у него - это одновременно и связка. Пафос В.В. Розанова сводится к тому, что старость - человеческое, самое человеческое в человеке. Но она не только соединяет божественную реальность с человеческой, но и обнажает существенное различие между ними. "Божественность" людей не чисто имманентна. В человеке есть высшее и низшее, лучшее и худшее. Старость, по В.В. Розанову, имеет смысл лишь как согласие на условиях высшего, а не наоборот. Она принадлежит у него двум мирам, умопостигаемому и чувственно-воспринимаемому, сакральной и профанной реальности. Но старость как метафизический возраст показывает, что метафизическая реальность не просто отличается от физической, и, в частности, от человеческого мира, но и оторвана от нее, не находит себе прямого продолжения в физике как ее инобытие. Предлагая до предела смягченный вариант соотношения "метафизики старости" и ее "физики", В.В. Розанов признает, что и у него не получается имманентного перехода от одного ее измерения к другому. Философ протестует, обрисовывая метафизические контуры старости на примере своих близких и знакомых, против ее пессимистической картины. Он сожалеет, что для простого обывателя старость сводится к негативным характеристикам: невозможности, неспособности, неумения, нежелания, нецелесообразности. Его стратегию можно свести не к добавлению "еще одного года к жизни", а к **"добавлению жизни к годам"**.

В третьем параграфе «"Святая старость" как геронтософский идеал» рассматривается проблема осмысления старости в контексте взаимосвязи русской философской мысли с традиционным для России православным умозрением, характеризующимся открытостью в мета-антропологический (эсхатологический) горизонт, исполнением бытийного назначения, которое влечет онтологическую трансформацию. В этой антропологической стратегии старость может быть рассмотрена только через призму взаимодействия двух сторон (премирного и внутримирного горизонтов), разделенных бесконечной онтологической дистанцией, через попытку совмещения вечного и временного бытия.

Старость и смерть в этой парадигме – это *моменты личностной эсхатологии в общем процессе эсхатологии исторической*. Здесь старость не связана с ее биологическим проявлением, а представляет собой высшую степень духовного совершенства. Христианский образ старости и наиболее яркое его проявление – святая старость – есть реализация того, что подспудно заложено внутри каждого человека: его сопричастность к сакральному миру, когда не из временного смотрят в вечное, а из вечного во временное и естественная старость не является бременем. Выясняется, что отличие старца духовного от реального старца заключается в том, что *хронологический возраст здесь не имеет существенного значения* (большинство старцев становятся таковыми, переступив 30-40 летний рубеж). Метафизическая цель, к которой стремится человек в старости, восходя по лестнице духовного совершенствования, заключается в сбрасывании мирского времени (социально и природно-телесного) и обретении вечного, внеэмпирического и внепространственного бытия сознания, где самость приобщается к благу и красоте, абсолютной истине, Богу.

Феномен старчества и святости, возможно, не имеет непосредственного отношения к философии, даже в варианте предпринятого в отечественной культуре рубежа XIX-XX веков религиозно-философского синтеза. Однако, полагаем, именно этот феномен предопределил появление особого направления в геронтософских поисках русской философии исследуемого периода. Оно вытекает из попыток изучения и интерпретации русскими философами рубежа XIX-XX веков (И.В.Киреевским, К.Н.Леонтьевым, С.Н. Булгаковым, Н.А. Бердяевым, В.Н. Лосским, В.В. Розановым, П.А.Флоренским, В.С. Соловьевым, Н.М. Страховым, М.Н. Погодиным, Ф.М.Достоевским) старчества и связанного с этим геронтософского идеала "святой старости".

Однако однозначной оценки это явление в русской философии рубежа XIX-XX веков не могло получить в силу несовпадения парадигм русской философии (развивавшегося в русской религиозной философии неоплатонизма и исихастской практической антропологии). Но к встрече с ним русская мысль подводилась неизбежно и неуклонно, в том числе и логикой геронтософских поисков.

"Святая старость" как геронтософский идеал демонстрирует, что установление несомненного преимущества вечности (сверх-бытия) над временным бытием не доходит до стадии минимизации бытийного значения временного, здешнего бытия. Опыт святости как особого состояния, при котором в личности духовность человека, его психика и физиология начинает существовать как единое целое, при котором наступает гармония внутреннего мира индивида, регистрирует превосходение, а не уничтожение временного бытия. Такое взаимодействие онтологических горизонтов

старости позволяет выявить значимость основных элементов российского геронто-софского идеала, необходимых для уяснения важнейших модусов человеческого бытия на рубеже третьего тысячелетия (*"открытость Божественному", "всеобъемлющая любовь", "радостопечалие", "решимость оставить все", "тихая праведность", "стремление за пределы собственной природы", бесстрашие в отношении житейских бедствий"*). В горизонте этого идеала старость вырисовывается не как деструктивный, истощающий жизненные силы символ опасности, а как *земной жизненный подвиг*, открывающий нам собственную истинную природу, как само-собрание личности и героическая попытка совмещения временного и высшего бытия.

В **Заключении** диссертации указаны основные итоги работы, её теоретические и практические значения, намечены пути дальнейшего исследования проблемы.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 9 публикациях, основные из них следующие:

1. Телегин А.А. Геронтософские размышления И.И. Мечникова и В.В. Розанова в зеркале гармонии и дисгармонии// Национальная идея как фактор обеспечения социально-политической и экономической стабильности российского общества. Материалы международной научно-практической конференции.- Орел.: Орел ГТУ, 2001. С. 318-321; 0,3 п.л. (тезисы)
2. Телегин А.А. Серякова Т.Н. "Метафизическая подошва смерти" в философском соло В.В.Розанова// Панорама философской мысли России XX века Тезисы и доклады выступлений Российской научно-практической конференции. - Рязань, 2001. С.86-89. 0,2 п.л. (тезисы) Авторство не разделено.
3. Телегин А.А. Старость: гармония или дисгармония// Культура - образование- человек. Материалы первой летней культурно-антропологической школы молодых ученых - Курск: Изд-во КГПУ, 2001. С.215-220. 0,4 п.л. (статья)
4. Телегин А.А. Основания геронтологического бытия// Четвертые Илиадиевские чтения: Цивилизация на рубеже тысячелетий: проблемы, закономерности, тенденции. Материалы международной научно-практической конференции. - Курск: Изд-во КГПУ, 2002.-260 с. С.51-52; 0,1 п.л.(тезисы)
5. Телегин А.А. Векторы геронтософских поисков западной философии// Культура - Образование-Человек: Материалы третьей летней антропологической школы молодых ученых. - Курск: Изд-во КГПУ, 2003. С.417-421. 0,4 п.л. (статья)
6. Телегин А.А. Старость горизонт человеческого бытия// Рационализм и культура на пороге третьего тысячелетия: Материалы Третьего Российского Философского конгресса. Т.3.-Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ. 2002. С.351-352. 0,1 п.л. (тезисы)
7. Телегин А.А. Христианский духовно-нравственный идеал старости// Культура - Образование - Человек: Материалы Пятой международной летней антропологической школы молодых ученых. В 2-х томах. Т.1.- Курск: Изд-во КГУ, 2003. С.396-405. 0,5 п.л. (статья)

